

ЛИНГВИСТИКА

О роли двойного отрицания в английском языке

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2005

Данная статья посвящена двойному отрицанию – языковому явлению, которое известно не только в английском, но и в русском языке. Задача статьи – понять ту роль, которую оно играет в английском, ведь с точки зрения грамматики (а точнее синтаксической структуры) оно недопустимо. Цель статьи – показать, что двойное отрицание принимает в английском языке много форм: оно может быть внутрилексическим, т.е. присутствовать в слове имплицитно, может проявляться как сочетание двух эксплицитно отрицательных морфологических элементов внутри одной лексической единицы, иметь стилистический характер, маркировать просторечные и диалектные формы, являться выражением определенных коммуникативных и когнитивных стратегий и т.п. Такой пристальный взгляд на это явление тем более целесообразен, что оно довольно распространено в английском языке (особенно в его британской разновидности) и что можно наблюдать некоторое расхождение между рекомендациями, обычно формулируемыми в грамматиках, руководствах по правильному английскому языку, стилистических пособиях и справочниках, и реальным словоупотреблением (речевым узусом).

В качестве ярких примеров двойного отрицания можно привести слова типа *небезопасный*, *небезвредный*, *небескорыстный* и т.п., в которых одновременно присутствуют две приставки со значением отрицания признака. Аналогичные примеры в английском языке – это прилагательные, также имеющие две отрицательные приставки: *unimpeachable* «безупречный, безукоризненный», *unimpaired* «неослабленный, незатронутый» и др.

Сразу же обратим внимание на то, что если попытаться подобрать эквивалентные примеры с двойным отрицанием в другом языке, то, как правило, это будут лексические единицы несколько иного морфологического состава – во всяком случае, две отрицательные приставки в них сохранить не удастся. В лучшем случае это слова или выражения с двумя отрицательными элементами, например: *небезопасный* dangerous, unsafe, insecure; *небезнадежный* not hopeless; *небезвредный* rather injurious, rather harmful. Эти примеры показывают, насколько тонки семантические различия, существующие между производными одной и той же лексической единицы, – и отнюдь не всегда одна и та же единица, полу-

чившая двойное отрицание благодаря некоторым негативным морфологическим элементам, равна самой себе, как в случае с *небезопасный dangerous* или *небеспристрастный biased*.

Можно привести пример и синтаксической конструкции, содержащей несколько отрицаний: «Никогда *не* встретить ту, которая вас никогда *не* полюбит, – вероятно, это и есть самое правильное определение человеческого счастья»¹. Подобный пример из романа У.С. Моэма «Театр» приводит Т.А. Комова: «I don't not eat bread because I'm afraid of getting fat. I don't eat it because I see no point in it. After all with the exercise I take I can eat anything I like (Я отказался от хлеба не потому, что боюсь потолстеть. Я не ем его, так как не вижу в этом смысла. При моем моционе я могу есть все, что хочу)»².

Одно из двух отрицаний может не быть выраженным эксплицитно, а содержаться в семантике соответствующей языковой единицы, имеющей «отрицательное» значение (т.е. такой, у которой отрицание является компонентом значения слова). Такое отрицание называется внутрилексемным, его примерами являются слова типа *рус.* «отказаться = *не согласиться*» или *англ.* *fail* «*не преуспеть*». Еще один пример двойного отрицания морфологического типа – ‘unbiased = *not* biased, *impartial*’; ‘partial = biased, *unfair*’. Таким образом, ‘unbiased’ можно объяснить как ‘not unfair’.

Можно также обратиться к словам типа *undeceive* и вспомнить знаменитую фразу леди Брэнкнелл из комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: *I do not propose to undeceive my husband. Indeed I have never undeceived him on any question.* Это высказывание фактически означает «Я всегда скрывала правду от своего мужа», или «Я никогда не пыталась сообщать своему мужу правду», или, если эксплицировать подтекст и «назвать вещи своими именами», «Я всегда лгала своему мужу» – фраза, несущая благодаря глаголу *лгать* очень сильные ингерентные отрицательные коннотации; в отличие от оригинала, этой фразе практически невозможно придать респектабельность и ее невозможно произнести с тем апломбом, с которым это неизменно делает леди Брэнкнелл во всех постановках этой пьесы. Можно сказать, что данный пример демонстрирует возможности «вуалирования» действительного положения дел при помощи двойного отрицания, методику языкового манипулирования теми представлениями, которые возникают у слушателей при восприятии высказывания.

В словарях найдем следующие объяснения *undeceive*: *undeceive v. tr.* (often followed by *of*) – free (a person) from a misconception, deception, or error³; *undeceive* – вывести из заблуждения, открыть глаза; отрезвить; *undeceivable* – не поддающийся обману; *undeceived* – разочарованный; увидевший что-л. в истинном свете⁴. Даже беглый взгляд на данные

объяснения показывает, что при присоединении отрицательной приставки (в данном случае *-in*) к основе происходят некоторые модификации значения данного слова, что в результате делает дериват не вполне эквивалентным простому сочетанию изначального глагола с отрицательной частицей.

Один из самых известных специалистов в области английского языка Дэвид Кристал упоминает двойное отрицание в своей книге «Кому есть дело до английского словоупотребления? Развлекательный путеводитель по наиболее распространенным проблемам словоупотребления в английском языке»⁵. Он обращается к этому вопросу, поскольку двойное отрицание считается недопустимым в стандартном английском языке, т.е. в его литературной разновидности.

В отличие от русского языка, где в одном, причем достаточно простом по своей синтаксической структуре предложении могут встречаться несколько отрицательных грамматических форм и лексических единиц одновременно (*В наших магазинах никогда ничего не найдешь*), предложение в английском языке согласно грамматическим правилам может содержать только одно отрицание, которое придает отрицательную окрашенность всему его лексическому составу (*You can never find anything in our department stores when shopping*). Логический аргумент, применяемый для объяснения этого правила, таков: два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга. Однако, если конструкция выстраиваемых предложений усложняется, могут возникать различные неожиданные и непредвиденные оттенки смысла.

Кристал в качестве примера приводит предложение, которое было употреблено в публичной речи некоего политика: *You should not think there are no cases where a strike might not be warranted* (*Не следует думать, что не бывает случаев, когда забастовка не окажется оправданной*). Вопрос, которым задается данный лингвист, таков: неужели оратор использует отрицательные формы намеренно, с тем, чтобы они отменяли отрицательный смысл друг друга? Или эти отрицательные формы нагнетаются им для создания драматического эффекта? У слушателя этой речи, как считает лингвист, нет времени для того, чтобы определиться и решить, каково все же намерение оратора.

Вердикт Кристала, который, как представляется, можно с легкостью поставить под сомнение и оспорить, заключается в следующем: такого рода структуры сильно запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий. По его мнению, они правы, когда не советуют использовать отрицательные формы там, где можно обойтись утвердительной. Однако в языковой ситуации англоговорящего сообщества можно наблюдать некоторое расхождение предписаний и узуса, по-

сколько примеры двойного отрицания с легкостью обнаруживаются во многих произведениях современной английской художественной литературы и присутствуют в разговорной речи носителей в виде устойчивых морфологических и синтаксических структур, которые мы рассмотрим ниже.

Высказавшись о двойном отрицании негативно, Кристал тем не менее тут же изменяет ход своих мыслей и вспоминает о том, что некоторые типы двойных отрицаний могут привносить в высказывание важные оттенки значения. *'I shouldn't bother going to the meeting'* (Я бы (имеется в виду «на твоём месте») не стала беспокоиться о том, чтобы идти на собрание), – говорит жена своему мужу, на что он отвечает: *'I can't not go – I've got to organize the raffle'* (Я не могу не пойти – я должен организовать лотерею). В данном случае *can't not* не означает того же, что и *can*; оно, скорее, означает нечто типа «должен». Он также приводит примеры структур с двойным отрицанием, смысл которых не вполне отчетливо укладывается в утвердительный либо отрицательный: *'Will he arrive by tomorrow?' – 'It's not impossible'* (Он прибудет к завтрашнему дню? – Это не исключено) и т.п.

Обратимся к мнению Е.В. Падучевой относительно логического правила о том, что отрицание отрицания эквивалентно утверждению⁶. По мысли ученого, данное правило действительно не только для логики, но и для естественного языка тоже: при соединении двух отрицаний при одном и том же слове смысл окажется утвердительным. Однако, отмечает Падучева, два отрицания обычно не в точности погашают друг друга: сложное выражение, как правило, слабее простого, ср. «нередкий» 1. (≈ “довольно частый”) и 2. «частый»; «не без страха» 1. (≈ “с некоторым страхом”) и 2. «со страхом»; англ. ‘not uncommon’ и ‘common’.

Тема двойного отрицания тесно связана с вопросом об общих категориальных признаках речевого и коммуникативного поведения носителей английского языка. Считается, что главное различие между носителями двух диалектических вариантов английского языка – британским и американским – состоит в том, что для представителей британской культуры наиболее характерны иносказание (*circumlocution*), парафраза, расплывчатые смыслы (*ambiguity*), двусмысленность (*double meaning*), уклончивые речи (особенно когда человек говорит одно, а думает другое, противоположное) (*double talk*), эвфемизация, сдержанная оценка, недосказанность и недоговоренность (*understatement*), а также их более узкая разновидность – мейосис, ирония, сарказм.

В современном культуроведении принято считать, что, в отличие от носителей британской разновидности, для американских носителей английского языка, по крайней мере внешне, как бы в знак протеста

против речевого поведения бывших соотечественников по Британской империи, характерно (и высоко ценится в американской культуре) прямое выражение мысли. Это обусловлено требованиями общения в данном социокультурном сообществе, где вследствие сложившейся конкретной межнациональной и социо- и геополитической ситуации наиболее выигрышными оказались открытая, честная игра, открытое, честное партнерство и другие личные качества такого же рода. С другой стороны, именно носителям американской разновидности исследователи приписывают демагогические, пышные туманные речи (*doublespeak*); двойной стандарт (в оценках и т.п.), пустые или демагогические высказывания (*double talk*).

Пытаясь понять роль косвенных способов выражения смысла, в частности, таких приемов, как двойное отрицание, ирония, сарказм и прочие, среди ценностных социокультурных составляющих английского менталитета, целесообразно обратиться к тому, как их интерпретируют сами носители этой культуры. Так, например, в книге «Жизнь и как в ней уцелеть»⁷ один из ее авторов, известный британский киносценарист, режиссер и комический актер Дж. Клиз, сравнивая американскую и британскую культуры, говорит следующее: «Американцы не любят сложности и противоречия; косвенный смысл любого рода, околичности, иносказания, уклончивость вызывают у них неловкость. К двусмысленности и парадоксам американцы не просто испытывают неприязнь и недоверие, они воспринимаются как совершенно ненужные. <...> Для американцев отсутствие прямоты и недвусмысленности – это табу.

При этом это то единственное, на что способны мы, англичане. Мы наслаждаемся и упиваемся “отстраняющими” приемами в общении – говорим странными, потешными, чудными голосами, произносим все как бы в кавычках, используем намеки и аллюзии, говорим неполными предложениями и, прежде всего, используем иронию. Простая, прямая, недвусмысленная речь воспринимается как тревожный сигнал и дурной тон – как своего рода мещанство и филистерство.

Но, в отличие от нас, ирония вызывает у американцев чувство неловкости. Они оказываются в полном недоумении, заходят в тупик, когда используется ирония. Если говорить прямо, она вызывает у них панику».

В качестве иллюстрации к сказанному Дж. Клиз приводит пример из американского фильма «Роксана», в котором героиня произносит нечто саркастическое и, когда ее собеседник реагирует на это непониманием, объясняет, что это была ирония. «Ах, ирония! – удивляется собеседник. – Да, у нас здесь ничего такого не было... ну, я думаю, где-то с 1956 года». Это высказывание фактически противоречит основ-

ной мысли Дж. Клиза, потому что можно сказать, что в нем мы наблюдаем иронию по поводу иронии.

Если поразмышлять над психологией и философией отрицания, тем более двойного, то становится понятно, что специфика употребляемых отрицательных форм является отражением национального характера, национального менталитета и прочих явлений подобного рода. Из культурологической литературы известно, например, что в одних культурах отрицательные формы используются гораздо меньше, чем в других, и связывают это с национальной привычкой стараться никогда не давать отрицательных ответов «в лоб», но, наоборот, выражать отказ косвенным образом и завуалированно. Двойное отрицание – разновидность мейосиса (understatement) – также часто называют одним из характерных способов косвенной передачи смысла в английской речи.

Пытаясь понять роль отрицания с психологической и когнитивной точек зрения, можно обнаружить практически единодушное мнение психологов в вопросе о том, что отрицание действительно осложняет речь. Обратимся, например, к тому, как трактуют роль частицы *не* авторы практического руководства «Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью...» (серия «Библиотека НЛП») А. Котлячков и С. Горин⁸. Руководство посвящено использованию гипноза «как для обороны, так и для нападения». Авторы объясняют, что частица *не* воспринимается сознанием, но для подсознания она абсолютно ничего не значит, поэтому самый простой и наиболее широко известный прием «наведения порчи», как выражаются авторы (т.е. негативного влияния на поведение, самочувствие и здоровье человека), – это использование отрицательной формы императива в сочетании с тем, что вы резко говорите что-то человеку «под руку». Частица *не*, кроме того, еще и обеспечивает вашу безопасность, подчеркивают авторы, иллюстрируя это ситуацией, когда вы говорите стрелку, который во что-то целится: «Промахнись!» Сказать ему: «Не промахнись!» гораздо безопаснее (ведь в такой ситуации у него не будет оснований впоследствии обвинять вас в злом умысле), а результат выстрела, скорее всего, утверждают они, будет одним и тем же.

Автор другого пособия, посвященного НЛП, А. Бакиров назвал один из разделов «Волшебные свойства отрицаний»⁹. Он также убежден, что мозг работает на утверждении, а отрицание существует только до тех пор, пока мы сознательно обращаем на него внимание. Это свое утверждение автор подкрепляет аргументом (правда, довольно сомнительным) – соображением о том, что природа не знает частицы *не* – придумал ее человек. На это можно возразить следующее: во-первых, весь язык придуман человеком, а не только эта частица; во-вторых, если начать размышлять о том, что человек придумал за всю историю своего

существования, то все равно будет крайне сложно доказать, почему все, что он придумал, надо игнорировать и исходить только из того, как все обстоит в природе; в-третьих, если говорить о природе, то нужно рассматривать природу языка, а не природу вообще, а отрицание как раз и является одной из языковых универсалий, т.е. одним из базовых компонентов природы языка. «Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы»¹⁰.

И тем не менее то, как А. Бакиров объясняет когнитивный механизм воздействия отрицательных форм на сознание людей, выглядит убедительным. Он предлагает провести эксперимент – заставляет читателя представить себе лающую собаку. Хотя полного совпадения образа собаки у проводящего эксперимент и у читателей не будет, все-таки, убежден автор, у всех в сознании возникнет образ некоей лающей собаки. Если же изменить просьбу на противоположную (т.е. постараться представить «не лающую собаку»), то здесь и начнутся всевозможные «фокусы». Что значит «представить, что собака не лает»? Кто-то представит собаку спокойно лежащей у своей конуры, кто-то рычащей, кому-то окажется достаточным просто мысленно перечеркнуть предыдущую картину. Таким образом, однозначно одинаковой картины не получится. Дело в том, считает автор, что, когда человека просят представить лающую собаку, он создает соответствующую картинку; когда же нужно вообразить собаку, которая не лает, участники эксперимента начинают предлагать более или менее подходящие заменители, которые **не противоречат** прозвучавшей просьбе. Например, жующая собака – такая же «не лающая», как и спящая. Чтобы отобразить отрицание, пришлось восстанавливать первую картину с тем, чтобы ее перечеркнуть, либо описывать все остальные возможности, а это трудоемко.

Для иллюстрации этого своего утверждения А. Бакиров приводит анекдот о чукче.

Чукча, вернувшийся из Москвы, делится впечатлениями:

- *Однако, паровоз видел.*
- *А что это такое?*
- *Сани знаешь?*
- *Да.*
- *Однако паровоз совсем на сани не похож!*

Этот анекдот хорошо иллюстрирует тезис о том, что любая попытка определить предмет или явление через отрицание заранее обречена на провал. Конечно, можно сказать, что паровоз – это не сани, не апельсин, не магнитофон, не дерево. Однако если объяснять слова по такому принципу, то замучаешься, справедливо отмечает А. Бакиров и дает

совет читателю: если хотите облегчить человеку понимание, говорите по возможности утвердительно.

Следующий пример А. Бакирова представляет собой крайний случай перегруженности отрицаниями, его можно считать риторическим преувеличением, потому что в реальности такого количества отрицаний в одном предложении не бывает даже в языках, допускающих многократное их повторение: «Не так уж и нелегко не потерять ни одну частицу “не”, ни разу не перечитав немного непонятное утверждение, и я нисколько не сомневаюсь, что некоторая нестройность фразы не смогла ни у кого не вызвать ни капли затруднения, и вам не было нелегко не погрузиться в транс».

Как говорит автор, при чтении этой фразы некоторые люди замечали определенное изменение состояния сознания, характерное для такой перегрузки. Многочисленные частицы *не* способны буквально «пожирать» объем нашего внимания, отнимать его у самой сути предложения. Хорошо известно, что этот объем весьма невелик: 7 ± 2 единицы информации. И каждое *не* забирает как минимум одну из них. Переполюя свое высказывание отрицаниями, можно значительно затруднить понимание.

А. Бакиров разъясняет, как действует механизм понимания: услышав слово, человек должен подобрать ему соответствующий эквивалент из своей понятийной базы, т.е. понять его. Добавив к нему отрицание, он уже вынужден искать этому эквиваленту противоположный ему по значению.

Следующий пример, который приводит вышеупомянутый автор, демонстрирует наши предпочтения при выборе из синонимических средств передачи одного и того же содержания. Идя по рынку, человек замечает два лотка, где производится распродажа по сниженным ценам; у одного из лотков надпись «Недорого», у другого – «Дешево». «Не знаю, как вам, – говорит он, – но мне больше льстит покупать недорогой товар. Так я экономлю деньги, и совсем не хочется размениваться на дешевый: как бы не продешевить! Субъективно, зато показывает важность оболочки – может быть, и товар-то у них одинаковый, да только... Не тянет».

Важный совет, который вытекает из приведенных примеров, следующий: чтобы ваша просьба оказалась выполнена, **сформулируйте ее утвердительно**. Ребенку будет гораздо легче «сидеть смирно», чем «не ерзать». Приятелю будет проще «улыбнуться», чем «не хмуриться». Гораздо легче бывает «успокоиться» вместо «не беситься».

Авторы пособия «Миссия НЛП»¹¹ также отмечают, что наш разум просто-напросто не знает, как «подогнать» определенные вещи к языку отрицания. Чтобы знать, о чем не следует думать, разум должен вначале

подумать об этом. Число пособий по психологии, в которых высказываются сходные мысли, можно увеличивать довольно долго.

После экскурса в психологические аспекты отрицания вернемся к чисто языковым сторонам данного явления. О проблемах, возникающие в английском языке с отрицательными формами, говорит, например, автор влиятельного «Словаря английского словоупотребления»¹² Г. Фаулер. Как и Д. Кристал, он подчеркивает, что современная английская грамматика рассматривает два отрицания как отменяющие друг друга и дающие в результате утвердительный смысл; истинный смысл выражения *Nobody didn't go* состоит в том, что «пошли все». Однако это отнюдь не аксиома, как иногда предполагают.

Ссылаясь на тот факт, что для многих языков, в частности славянских, французского, испанского, греческого, характерно множественное, или кумулятивное, отрицание, Г. Фаулер говорит: раньше мы использовали отрицательные формы так, как это сейчас происходит в греческом, где они употребляются многократно в одном и том же предложении, усиливая смысл друг друга, — говорящий как бы «раскатывает» отрицательный смысл тонким слоем по всему предложению вместо того, чтобы сосредоточить его в одной словоформе. В языках с множественным отрицанием при наличии в предложении отрицательного местоимения, наречия или союза происходит отрицательное согласование (этих имеющих отрицательный смысл частей речи со сказуемым) — допустимо или даже требуется «избыточное» отрицание перед сказуемым (ср. не допускаемое правилами русской грамматики «никто его видел»). Такое же многократное употребление отрицательных форм по-прежнему используется и в английском просторечии без особого риска быть понятым неверно. Все понимают, что именно имел в виду дворецкий мистера Домби, когда он сказал, что надеется, что ему не придется *'never hear of no foreigner never boning nothing out of no travelling chariot'* (никогда не доведется услышать ни про какого иностранца, ничего не крадущего не из какого проезжего фаэтона), и все знают, что имеется в виду, когда в телеинтервью на вопрос *'Are you still a trades union official?'* дается ответ *'I'm not nothing no more.'* В грамотной речи отголосок этих принципов синтаксического построения фразы сохраняется в таких предложениях, как *I shouldn't wonder if it didn't rain.*

Предложения такого рода Фаулер относит к проявлениям плеоназма. В языках с множественным, или кумулятивным, отрицанием плеонастическое отрицание в придаточном предложении, подчиненном глаголам со значениями «отрицать», «запрещать», «сомневаться», «удерживаться», «бояться» и т.п., является еще одним проявлением отрицательного согласования. Но поскольку английский относится к языкам, в которых множественное отрицание запрещается языковой нормой,

Фаулер отмечает, что даже не требуется никакого особого анализа, чтобы доказать, что множественное отрицание часто разрушительно для смысла. Поэтому, с его точки зрения, такие случаи, когда *not* употребляется в придаточном предложении как бессмысленный отзвук фактического, действительного или возможного отрицания в главном предложении, гораздо менее простительны, чем некоторые другие упоминаемые им нарушения речи, например: *The Home Secretary said he had found nothing to make him doubt that H. was not rightly convicted* (Министр внутренних дел заявил, что он не обнаружил ничего, что заставило бы его сомневаться в том, что Х. был вынесен *несправедливый* приговор).

Мы все знаем людей, продолжает Фаулер, которые привычно говорят: *I shouldn't wonder if it didn't turn to snow soon* (Я не удивлюсь, если вскоре **не** пойдет снег), когда имеют в виду *if it turned...* Та же самая ошибка в печати, говорит мэтр британской филологии, столь же обычна, насколько и нелепа, — на самом деле она до такой степени распространена со словами *wonder* и *surprise*, что ее можно считать прочно укоренившимся, но все же непростительным заблуждением.

В свете замечаний Фаулера становится понятно, в чем может заключаться проблема в вышеприведенном предложении Д. Кристала: *You should not think there are no cases where a strike might not be warranted*. Это предложение может оказаться таким же случаем плеоназма, как и приводимые Фаулером примеры, если оратор имеет в виду следующее «...когда забастовка окажется оправданной», — однако, поскольку у нас нет более широкого контекста, определить смысл точно нет возможности.

Утверждение о том, что такого рода структуры очень запутывают читателя или слушателя и поэтому, как считают некоторые языковеды, совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий, можно опровергнуть историческими примерами, взятыми из литературы предыдущих эпох. Так, широко известна фраза *Nothing is secret that shall not be made manifest* (Нет ничего тайного, что не сделалось (стало) бы явным; шила в мешке не утаишь, правда всегда выходит на поверхность, рано или поздно все становится известным) является дословной цитатой из Библии (Luke 8:17): *'For nothing is secret, that shall not be made manifest; neither any thing hid, that shall not be known and come abroad.'* (Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы [Лука, 8:17])¹³.

Выше мы упоминали, что двойное отрицание тесно связано с культурно-специфическими характеристиками речи и зачастую служит их созданию, т.е. созданию расплывчатых смыслов, двусмысленности,

эвфемизмов, сдержанной оценки, недосказанности и недоговоренности, мейосиса, иронии и сарказма.

Так, мейосис (от греч. *meiōsis* – уменьшение, убыль) – это фигура речи, используемая для преуменьшения интенсивности свойств предмета речи, каких-либо действий, состояний и т.п. Сдержанная оценка, выражаемая при помощи мейосиса, часто используется для достижения драматического эффекта и эмпазы. В повседневной речи мейосис иногда используется для создания мягкой иронии, особенно когда нечто яркое, зрелищное или впечатляющее описывается как *rather good* (неплохое) или словами похожего рода.

Мейосис, как объясняет Г. Фаулер¹⁴, – это использование недоговоренности и сдержанной оценки не в целях обмана, а для того, чтобы усилить впечатление, производимое на слушателя. Этот термин часто применяют к обозначению противоположного высказывания в отрицательной форме, которое в литературоведении называется литотой. Однако на самом деле в британском варианте английского языка прием мейосиса принимает много различных иных форм, которые можно противопоставить гиперболе. Этот прием очень распространен в разговорных, сленговых и жаргонных разновидностях английского языка (например, устаревшее на данный момент *Rather* (довольно-таки) в качестве эмфатического подтверждения, согласия и т.п. (*Do you like it? – Rather!* – не в смысле «несколько», «до некоторой степени», а в смысле «в высшей степени»). Излюбленной формой мейосиса, как уже говорилось, является литота, в которой утверждение делается косвенно, через отрицание своей противоположности, например *It was no mean feat* (Это было отнюдь не посредственное достижение).

Итак, мейосис как стилевая черта, а в некоторых случаях и как описание стилевой тональности, пронизывающей все произведение, часто используется для выражения положительных свойств, качеств и т.п. при помощи констатации отрицательного. Такая языковая манера может принимать различные формы: *I would not be truthful if I denied...* (Я погрешил бы против правды, если бы стал отрицать...). Г. Хауард, автор современного справочника по правильному словоупотреблению в английском языке¹⁵, считает самой распространенной формой мейосиса двойное отрицание типа *not un-*: *it is not unreasonable to ask...* (не будет необоснованным задать вопрос...); *she is not unintelligent* (она не лишена сообразительности); *you can't not respect their decision* (вы не можете отнестись неуважительно к их решению).

Мейосис – это языковой прием, позволяющий избежать необходимости выступить напрямую с откровенным высказыванием. Временами это может быть оправдано соображениями такта или доброжелательности: *It would not be unfair to say she did not look her best* (Не будет не-

справедливо сказать, что она выглядела далеко не самым лучшим образом). Однако Г. Хауард считает, что чаще всего такие высказывания обусловлены сладкоречием и боязнью высказываться прямо и откровенно. Он подчеркивает, что Дж. Орвелл в своем эссе 1946 г. «Политичность и английский язык» разоблачил эту хитрую уловку за ее уклончивость: *A not unblack dog was chasing a not unsmall rabbit across a not ungreen field* (Не совсем нечерная собака гонялась за не совсем немаленьким кроликом по не совсем незеленому полю).

Аналогичную двойному отрицанию функцию – использование недоговоренности и сдержанной оценки в целях усиления – выполняет заимствованное, как считает Г. Фаулер¹⁶, из американского варианта английского языка британской разновидностью употребление местоимения *some* («некоторый» в смысле «еще тот»), например: *This is some war* с сильным ударением на слове *some* является современным разговорным оборотом, который означает «Это колоссальная война» или «Это и в самом деле война, всем войнам война».

По мнению Фаулера, словоупотребление такого рода – следствие общей для британских и американских носителей английского языка любви к мейосису. Когда британец говорит *I'll see you further (i.e. in hell) first* (Сперва я тебя там, (т.е. в аду), увижу), т.е. произносит фразу, аналогичную русскому «Не дождетесь!», – это пример мейосиса, так же, как и *didn't half swear* (даже наполовину не матерился), т.е. матерился чудовищно, не стесняясь в выражениях – конструкция, которую данный авторитет в области английского словоупотребления квалифицирует как «странный образом инвертированную гиперболу». Фаулер иллюстрирует понятие мейосиса при помощи этих случаев словоупотребления «как самых близко знакомых носителю британского английского языка примеров». Он предлагает сравнить вышеприведенную фразу о войне с его собственным эквивалентом *something like a war* (нечто типа войны), который, как он справедливо считает, лишен пикантной необычности и нестандартности мейосиса.

В качестве доказательства приемлемости структур, аналогичных *didn't half swear* (т.е. «обратной гиперболе») в современной разговорной речи, можно взять пример из романа Д. Лоджа 'How Far Can You Go?' (Далеко можно с тобой зайти?)¹⁷. Между двумя героями произведения происходит диалог, содержащий следующие реплики:

'Jolly good,' said Edward. 'And did you remember to take the specimen?'

'Yes,' said Michael. 'Didn't half make me unpopular on the train, too.'

«Очень хорошо, – сказал Эдвард. – А ты не забыл взять образец?»

«Нет, – сказал Майкл. – Это даже наполовину не сделало меня непопулярным среди пассажиров этого поезда» (т.е. сделало его «чудовищно» популярным среди них).

Подобные выражения представляют особый интерес для русских, изучающих английский язык. Им необходимо делать сознательное усилие при попытке понять такие конструкции, поскольку в русском языке аналогов им нет. Можно сравнить предложение такого рода с возможным русским предложением, сказанным в шутку в сходной ситуации, «Благодаря этому я стал ужасно популярен у пассажиров этого поезда». Но такое предложение будет содержать преувеличение (гиперболу) для выражения противоположного смысла, ведь Майкл в данном случае пытается сказать о том, что пассажиры старались держаться от него подальше, так как он вез образец кала. Данный аналог можно также истолковать как свидетельство противоположных тенденций в английском (understatement) и русском (overstatement) языках.

В словаре Фаулера можно найти отдельный пункт статьи о частице *not*, посвященный выражениям, содержащим мейосис и перифраз. Он начинается с цитаты 1671 г., взятой из Большого Оксфордского словаря английского языка: *We say well and elegantly, not ungrateful, for very grateful* (Мы говорим красиво и элегантно «не лишенный благодарности», чтобы выразить смысл «очень благодарен»). Заметим, у Мильтона это была любимая фигура речи: *Eve was not unamazed at finding that a snake could speak, and Comus's well-placed words were baited with reasons not unplausible* (Нельзя сказать, что Ева не ощутила изумление, обнаружив, что змей обладал даром речи, и упорядоченные, уместные речи Комуса были снабжены приманками в виде соблазнительных причин, «не таких уж невероятных / неправдоподобных»).

Фаулер, этот авторитетный британский лингвист, посвятивший большую часть своих работ борьбе за чистоту и правильность английской речи, говорит в этой статье, что на данный момент (первое издание словаря вышло в 1926 г.) такая замена слова отрицанием его противоположности – это стертый и заезженный прием придания речи элегантности; заношенный вследствие чрезмерного употребления; стертый из-за губительного эффекта избитого шаблонного юмора с такими фразами, как *not a hundred miles from, not unconnected with, not unmindful of* и другими когда-то свежими выражениями. Но сама по себе популярность этой конструкции в английском языке является достаточным доказательством того, что в ней есть нечто близкое и родственное английскому темпераменту, и приятно считать, говорит Фаулер, что она обязана своим успехом у англичан упорной национальной неприязни к тому, чтобы выражаться слишком резко.

Очевидно, продолжает он, бывают контексты, в которых, например, употребить *not inconsiderable* более уместно, чем *considerable*; используя это выражение, мы как будто предвосхищаем и откладываем для дальнейшего рассмотрения (вместо того, чтобы не предусмотреть и

проигнорировать его) возможное предположение, что тот или иной предмет или явление являются незначительными. Верное решение в данном случае – признать, что эта конструкция с двойным отрицанием допустима, и затем избегать ее, кроме тех ситуаций, когда она более чем допустима.

Фаулер приводит примеры из ежедневной прессы, авторы которых едва ли станут утверждать, что благодаря двойному отрицанию предложение обрело элегантность или точность смысла, а скорее признают, что они использовали эту конструкцию, потому что у них не было оснований не использовать ее.

Возвращаясь к мейосису, можно отметить важность, распространенность и значимость его как языкового явления в британском варианте английского языка. На это указывает то, что мейосис неизменно упоминается в различных пособиях, справочниках и словарях, посвященных правильности английской речи. Заметим разительный контраст: нам удалось обнаружить объяснение мейосиса только в двух справочниках русского издания – энциклопедии «Русский язык» и терминологическом словаре-справочнике В.П. Москвина «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры»¹⁸. Как правило, понятие мейосиса отсутствует даже в специальных литературоведческих справочниках и словарях русского издания, авторы которых, по видимому, считают вполне достаточным объяснить и проиллюстрировать лишь понятие литоты.

Справедливости ради следует признать, что между понятиями мейосиса и литоты есть довольно много общего. В английских словарях литота часто объясняется как то же самое явление, что и мейосис, или его разновидность. По мнению многих авторов, литота иногда ограничивается конкретным видом риторической недосказанности, в которой вместо требуемого утвердительного или положительного понятия используется противоположное ему в отрицательной форме. Например, в первом послании коринфянам Нового Завета фраза *I praise you not* (Не хвалю вас; Не похвалю) обладает эффектом экспрессивного «я обвиняю вас»; у Шекспира *I like it not* имеет эмфатическое значение «мне это неприятно (противно)». Литота как «обратная гипербола» активно используется в разговорной речи, в художественной и публицистической литературе: *just a second!* (одну секундочку!); *not a few* («не немного», т.е. «немало») означает огромное количество; *Not bad, eh?* (Неплохо, а?) – «великолепно»; *He is no coward* (Он отнюдь не трус) – он очень храбр; *at a stone's throw* (в двух шагах отсюда) – очень близко.

Хотя в чисто литературоведческом смысле литота – это образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета или явления и характерное, таким

образом, для художественной речи, тем не менее некоторые английские авторы считают, что литота – это просто литературоведческий термин, синонимичный слову understatement (сдержанное суждение, недоговоренность, недосказанность), и что этот же смысл можно иначе выразить термином «мейосис»¹⁹. Литота часто передает сдержанное суждение, выражающее положительный смысл через отрицание: *She will not be altogether unhappy when the whole business is over* (Она не очень расстроится, когда все это дело завершится); *not averse to a drink* (не прочь выпить) и др.

Еще одно значение термина «литота» – «троп, близкий к эмпазе и иронии; усиление значения слова путем двойного отрицания» (*небезызвестный* вместо *пресловутый*). Логически выражения с двойным отрицанием равны словам и оборотам, не содержащим отрицаний: «она будет счастлива, когда все это дело завершится», «хотел бы выпить», однако отличаются от последних тем, что передают **отношение** говорящего к обозначаемому действию или свойству, недостаточную уверенность его в том, что это действие или свойство проявляются в полной мере. Кроме того, такие высказывания являются смягченной формой выражения собственного мнения, несогласия с собеседником и т.п. Литота, понимаемая в таком смысле, является перифрастическим средством.

Некоторые современные британские романисты широко пользуются двойным отрицанием как языковым и стилистическим приемом. Так, весьма часто прибегает к нему Ник Хорнби в своем романе «Как быть добродетельным» (*How To Be Good*)²⁰. Например, в следующем диалоге главные герои – супруги – обсуждают измену жены; она говорит: *The affair's over. As of this second*. Муж отвечает ей: *I don't know about that. But I do know that no one asks Elvis Presley to play for nothing*. (с. 47) (...никто не просит Элвиса Пресли играть бесплатно.../...Элвиса Пресли никогда не просят поиграть бесплатно...) В данном случае высказывание имеет оттенок утонченной иронии или издевки со стороны говорящего за счет обобщающего характера фразы про Элвиса Пресли, которая явно может быть применена к описываемой ситуации лишь фигурально, в переносном смысле, и только в силу того, что очевидных, ярко выраженных аналогий между ними нет.

В следующем эпизоде главные герои обсуждают целителя ди-джея ГудНьюз, в сверхъестественные способности которого муж свято верит. *Is there nothing DJ GoodNews can't do?*— говорит жена (с. 45) (Неужели нет ничего такого, что было бы не под силу ди-джею ГудНьюз?). Иронический, или даже, скорее, саркастический подтекст вопроса героини, которая сама является врачом, таков: «неужели этот целитель ГудНьюз настолько могуществен, что ему под силу исцелить любого больного?»

Понятно, что утвердительный эквивалент типа «Этот твой ГудНьюз что, может абсолютно все?», также содержащий иронический компонент, гораздо более прямолинеен.

В одном из эпизодов романа героиня, обдумывая поведение мужа, делится своими размышлениями с читателями: *It may not surprise you to learn that David has not, up until this point, been a big fan of alternative medicine of any kind; he has argued forcefully, both to me and to the readers of his newspaper column, that he's not interested in any kind of cure that isn't harmful to small children and pregnant women, and that anyone who suggests anything different is a moron.* (с.36) (Вы, может быть, и не удивитесь, узнав, что Дэвид до этого момента не был пылким поклонником каких-либо разновидностей альтернативной медицины; он убежденно утверждал, обращаясь как ко мне, так и к читателям своей газетной колонки, что его не интересуют никакие способы исцеления, безвредные для маленьких детей и беременных женщин, и что любой, кому пришло бы в голову предположить нечто иное, просто кретин.) Можно сказать, что данный пример иллюстрирует тезис Д. Кристала о неприемлемости двойных отрицаний, поскольку их использование в предложении делает его весьма запутанным семантически, что представляет сложность для понимания. Создается впечатление, что это предложение как раз иллюстрирует то, что Фаулер называет проявлениями плеоназма, считая, что даже не требуется никакого особого анализа, чтобы доказать, как это разрушительно для смысла.

Описывая начало своего романа со Стивеном, повествовательница говорит: *The point is I'm nervous, and I'm nervous because I'm not meeting Stephen with the intention of telling him I never want to see him again.* (с. 26) (...я нервничаю, потому что иду на свидание со Стивеном не для того, чтобы сказать ему, что никогда больше не хочу с ним видеться...) Строго говоря, акцент, сделанный в данном предложении при помощи отрицательной формы 'I'm not meeting', не совсем верен, с точки зрения семантики было бы более точно сказать 'not with the intention'; таким образом, в данном предложении наблюдается сдвиг отрицательного смысла с одной формы на другую. Такое отрицание называется смещенным.

Повествуя о своей очередной ссоре с мужем, героиня говорит: *The row isn't worth talking about, really; it's just a row, between two people who actually don't like each other enough not to row.* (с. 21) (...это обыкновенная ссора между двумя людьми, которые не настолько сильно неприятны друг другу, чтобы не ссориться...) Главное достоинство используемого здесь двойного отрицания состоит в том, что с его помощью передаются тонкие семантические нюансы, характеризующие взаимоотношения героев произведения.

Роман начинается с описания звонка по мобильному телефону, который героиня делает своему мужу, чтобы сообщить, что она хочет с ним развестись, и ее рассуждений о значимости разговоров такого рода: *But for the majority of people, marriage-ending conversations happen only once, if at all. If you choose to conduct yours on a mobile phone, in a Leeds car-park, then you cannot really claim that it is unrepresentative, in the same way that Lee Harvey Oswald couldn't really claim that shooting presidents wasn't like him at all. Sometimes we have to be judged by our one-offs.* (с. 1) (...если вы предпочитаете вести разговор о том, что хотите прервать свой брак, по мобильному телефону, на автостоянке города Лидса, тогда вы вообще-то, строго говоря, не можете утверждать, что этот разговор показывает вас в неправильном свете, точно так же, как Ли Харви Освальд не мог, строго говоря, утверждать, что убийство президентов совсем не в его духе. Иногда о нас судят по тому, что мы сделали всего лишь один раз.) Отрывок явно ироничен, впечатление иронического отношения героини по отношению к самой себе как раз и создается благодаря двойному отрицанию.

Проводя параллель между положением, в котором она оказалась, и воображаемой ситуацией: вы входите в комнату, за вами захлопывается дверь и вы обнаруживаете, что у вас нет ключа, — повествовательница, пытаясь высказать мысль о том, что все не так уж и безнадежно, сообщает: *You try out the chair, and you realize that it's actually not uncomfortable, and there's a TV, and a couple of books, and there's a fridge stocked with food.* (с. 20) (Вы пробуете посидеть на стуле и начинаете понимать, что он на самом деле не такой уж и неудобный...) Функция отрицания здесь состоит в уточнении оттенка значения признака: если бы автор сказал, что стул удобный, это могло бы быть проявлением другой, более конкретной степени выраженности признака «удобность стула» — смысл здесь заключается именно в том, чтобы показать, что все не так уж и плохо.

В середине действия романа героиня рассказывает о своих изменившихся чувствах: *I would like David not to be angry any more. I would like him to recognize that his life is OK, that his children are wonderful, that he has a loyal and loving and — sod it — a not unattractive or unintelligent wife, and enough money for babysitters and meals out and the mortgage...* (с. 63) (...что у него верная, и любящая, и — черт возьми — не такая уж и непривлекательная или неумная жена...) Как и в предыдущем примере, функция двойного отрицания заключается в передаче семантических нюансов, в уточнении степени выраженности признаков «привлекательность» и «ум».

Легко заметить, что лишь некоторые из приведенных примеров — пример со стр. 36 и, возможно, пример со стр. 47 вследствие расплывча-

тости смысла – подтверждают тезис Д. Кристала о сложности для понимания и стилистической неприемлемости двойного отрицания. Большинство же примеров, имея достаточно прозрачную смысловую структуру и не вызывая у читателя каких-либо трудностей, служат целям семантической нюансировки и стилистической окрашенности.

Двойное отрицание вообще довольно часто встречается в этом романе Ника Хорнби: (1) *Tom thumped him twice because he can't not, so the best thing to do is keep them apart, not put them together* (Том отдубасил его два раза, потому что он *не может не побить его*, поэтому лучше всего держать их отдельно, а не оставлять вместе) (с. 177); (2) *I took marriage vows, I broke them, and I can't unbreak them* (Я взяла на себя брачный обет, я нарушила его, и я *не могу сделать его снова ненарушенным*) (с. 178); (3) — *I don't want to have to look at photos of Molly's ninth birthday party and try to remember who the hell she spent it with. — Why not? We don't know hardly anyone in our wedding photos any more.* (— Я не хочу оказаться в положении, когда мне придется посмотреть на фотографии вечеринки по поводу дня рождения Полли, когда ей исполнилось девять лет, и пытаться вспомнить, с кем же она, черт побери, ее провела, кто же был на этом дне рождения. — Почему? Мы сейчас уже *едва ли не помним кого-нибудь* из тех, кто есть на наших свадебных фотографиях.) (с. 183); (4) *The trick, it seems to me, is to stave off regret. That's what the whole thing is about. And we can't stave it off for ever, because it is impossible not to make the mistakes that let regret in, but the best of us manage to limp on into our sixties or seventies before we succumb.* (Фокус, как мне кажется, состоит в том, чтобы отсрочить сожаление и раскаяния. Вот в чем вся суть. А отсрочить их навсегда мы не можем, потому что *невозможно не делать* те ошибки, которые влекут за собой сожаления и раскаяние, но лучшим из нас удастся доковылять до шестидесяти, семидесяти или дольше, прежде чем мы согнемся.) (с. 201); (5) *I'm not going to say that life is unfair. I refuse.* (Я *не буду говорить, что жизнь несправедлива*. Я отказываюсь.) (с. 234); (6) *It's not exactly that I don't believe in it. More like, I dunno, I don't not believe in it.* (Дело не то чтобы в том, что я не верю в это. Скорее похоже на то, что я не знаю, я *не не верю* в это.) (с. 224); (7) — *'You bought that chicken deliberately,' I say to him. — 'Deliberately? Well, it wasn't an unconscious purchase, if that's what you mean.'* — *'You know that's not what I mean.'* — *'OK. I wasn't entirely unaware of your promise to Brian and Molly when I put it in the trolley.'* (— Ты купил этого цыпленка нарочно, — говорю я ему. — Нарочно? Ну, это *не было произвольной* покупкой, если ты это имеешь в виду. — Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду не это. — Ну хорошо. Я *не могу сказать, что абсолютно ничего не подозревал* о твоём обещании Брайану и Молли, когда клал его в тележку.) (с. 240).

Формы выражения двойного отрицания, наблюдающиеся в приведенных примерах, таковы: 1. can't not; 2. can't unbreak; 3. don't know hardly anyone; 4. impossible not to make; 5. I'm not going to say that life is unfair; 6. it's not exactly that I don't believe; 6a. I don't not believe; 7. it wasn't an unconscious purchase; 7a. I wasn't entirely unaware. Любопытно, что третий пример подтверждает тезис Д. Кристала о сложности для понимания и стилистической неприемлемости двойного отрицания: героиня, произносящая эти слова, делает смысловую ошибку (явный случай плеоназма): можно сказать либо *we hardly know anyone any more*, либо *we don't know anyone any more*, но нельзя сказать то и другое вместе. Во втором примере используется окказионализм *unbreak*, который позволяет точно и компактно выразить мысль героини. Седьмой пример показывает, насколько мейотическая конструкция *not un-* удобна при словесном «перетягивании каната» во время ссор, когда спорящие придираются к малейшим оттенкам смысла. Все остальные примеры обеспечивают точную передачу нюансов, оттенков и полутонов значения и таким образом доказывают высокую коммуникативную ценность и семантическую пользу двойного отрицания.

Интереснейшие примеры использования двойного отрицания, которое ведет к расплывчатости смысла, даны в одном из эпизодов романа Стивена Фрая «Лжец»²¹. В нем представлена ситуация, когда университетский профессор-литературовед Тим Андерсон дает интервью телевидению по поводу случайно обнаруженной в университетской библиотеке рукописи, принадлежащей, как подозревают специалисты, Чарльзу Диккенсу. (Читатель знает из предыдущего повествования, что данная рукопись – подделка, созданная главным героем.) Эта сенсационная находка позволит университету потребовать субсидий на штат исследователей, которые проведут процедуру идентификации рукописи (атрибуции), привлечет внимание общественности к работе университета и повысит статус кафедры английской филологии.

Задача Тима Андерсона во время интервью – не разуверять публику в предположительном авторстве Диккенса, ибо это может привести к нежелательным результатам. С этой целью он обращается к сложным синтаксическим построениям, в которых значительную роль играет двойное отрицание. Так, в начале интервью Тим Андерсон говорит: *I don't believe that the comparison with 'Oliver Twist', seductive and engaging as I would be the last to deny it being, is as valid as a first glance might allow* (Я не считаю, что сравнение с «Оливером Твистом», при всей его соблазнительности и привлекательности, которые я бы ни в коем случае не стал отрицать, столь неоспоримо, как могло бы показаться с первого взгляда).

Трудности, которые испытывает слушатель при восприятии смысла данного сложноподчиненного предложения, вызваны следующим: сказуемое главной части (*don't believe*) имеет отрицательную форму, которая относится ко всему предложению в целом; синтаксическая структура предложения включает довольно сложное вставное придаточное с инверсией (*seductive and engaging as I would be the last to deny it being*) и сравнительный оборот (*the comparison is as valid as a first glance might allow*). В общем и целом синтаксическая и смысловая сложность предложения таковы, что точное его понимание возможно только при предъявлении последнего в письменной форме (что позволяет читателю перечитать предложение и вникнуть в его смысл); при восприятии же на слух у слушателя может лишь возникнуть общее впечатление сложности и неопределенности высказывания.

Далее в интервью Тим Андерсон замечает: *I'm not going to consider failing to grant you the presence of narrative echoes* (Я не собираюсь рассматривать возможность оказаться неспособным предоставить вам шанс допустить присутствие повествовательных созвучий). Это предложение отличается тем, что имеет «якобы простую» синтаксическую и весьма сложную семантическую структуру. Синтаксически оно осложнено тем, что сказуемое *am not going to consider* является составным глагольным и имеет отрицательную форму, а прямое дополнение *failing to grant* (в данном случае возможна и альтернативная трактовка этого выражения как еще одной части составного глагольного сказуемого, но тогда уже чрезвычайно сложного), выражено сочетанием герундия с инфинитивом. Семантическая сложность предложения, в частности, заключается в том, что эксплицитное отрицание *I'm not going to consider* сочетается с утвердительной формой глагола *to fail*, который содержит отрицательный компонент в самой своей семантике: «терпеть **не**удачу; **не** сбываться, **не** удаваться; **не** оправдать ожиданий; быть **не**достаточным, **не** хватать» и т.п.

Еще одно предложение Тима Андерсона: *That is not substantially incorrect* (По сути своей это не является неправильным) – также содержит двойное отрицание и, как и вышеприведенные примеры, требует осуществления определенных умственных (логических) операций для правильного понимания смысла. Хотя формально это предложение более или менее эквивалентно выражению *That is substantially correct*, по своему коммуникативному смыслу оно отличается тем, что имеет многослойный характер: вместо подтверждения утвердительного высказывания, оно как бы содержит отрицание возможной негативной оценки.

Можно привести еще несколько подобных конструкций из интервью Тима Андерсона: *...that is far from wrong...* (это отнюдь не является ошибочным); *... I am not confident that it isn't Dickens...* (я не могу уверенно

утверждать, что этот текст не принадлежит Диккенсу); ... *I don't think it insignificant that...* (я не считаю незначительным то, что...); ... *she was not unaware of its potential lack of insignificance...* (нельзя сказать, что она не осознавала отсутствие у нее, т.е. рукописи, потенциальной возможности оказаться маловажной).

По ходу интервью Тим Андерсон задает риторический вопрос с двойным отрицанием: *Would he not have destroyed the manuscript if he never wanted it read?* (Неужели бы он не уничтожил рукопись, если бы он не хотел, чтобы она была прочитана?). Одна из следующих его реплик: *I cannot deny myself the right to believe that he left it to be found* (Я не могу отказать себе в праве верить в то, что он оставил ее (т.е. рукопись), чтобы ее нашли) – содержит отрицательную форму глагола *deny*, который сам по себе имеет отрицательный компонент в своей семантике («отрицать, **не** признавать; отказывать, **не** давать и т.п.»).

В одной из последних своих реплик Тим Андерсон говорит: *If it exists we are not doubtful of locating the residue* (Если остаток рукописи существует, мы не сомневаемся в своей способности обнаружить его), сочетая прилагательное с отрицательной семантикой *doubtful* «сомневающийся; нерешительный; сомнительный, неясный; неопределенный» с отрицательной частицей *not*. Данный пример может служить иллюстрацией того тезиса, что структура с двойным отрицанием в одном языке (*we are not doubtful*), обладающая довольно высокой потенциальной неопределенностью смысла, иногда не может быть передана с помощью другого языка иначе, как вполне понятным и простым по своей семантике предложением потому, что в этом языке отсутствуют необходимые эквивалентные единицы. Подобные примеры показывают, что структуры с двойным отрицанием, создающие двусмысленность, выражающие неопределенность, уклончивость, могут быть более распространены и частотны в одном языке по сравнению с другим. Так, выражение *This was not unknown* (из романа Д. Лоджа), не представляется возможным перевести иначе, как «Такие случаи бывали / были известны», т.е. вполне прозрачным по своему смыслу предложением (так же, как предложение *Nobody has no friends* следует перевести утвердительно: «У всех есть хоть какие-нибудь друзья»).

Возвращаясь к роману, в котором речевой портрет Тима Андерсона играет значительную роль, можно остановиться на следующем повороте сюжета, когда вопрос о рукописи обсуждается на заседании кафедры. Всем становится ясно, что найденная рукопись – это подделка, и ученые приходят к выводу о необходимости политически приемлемого поведения для того, чтобы не быть выставленными на посмешище (университет уже продал права на теле- и киноэкранизацию романа) и не лишиться субсидий, выделенных на исследования.

Заявление для общественности предлагается сделать тому же Тиму Андерсону, который реагирует на это предложение высказыванием, начинающимся следующим образом: *I'm unsure as what the tension between the ethical boundaries and the margins of pragmatism might announce themselves to be in a situation which...* (Я не уверен в том, каким может оказаться напряжением между этическими границами и допустимым пределом прагматизма в ситуации, которая...).

Составитель данного заявления, полиглот и космополит профессор Трефусис (который с самого начала знал о том, что рукопись поддельная, но публично до настоящего момента лишь выражал сомнения в ее аутентичности) комментирует стиль речи Тима Андерсона так: «You see? Tim will do splendidly. His is the only major European language I still find myself utterly unable to comprehend. The press will be bored... (Видите? Тим прекрасно подходит для выполнения этой задачи. Его язык — это единственный крупный европейский язык, который, как я нахожу, я по-прежнему полностью неспособен понимать. Пресса начнет скучать...). В другом эпизоде, беседуя с главным героем (о подделке им рукописи профессор знал с самого начала), Трефусис и сам употребляет двойное отрицание: «*This is the second time you have failed to disappoint me* (Вам не удалось разочаровать меня уже второй раз / Вы оказались неспособны разочаровать меня уже второй раз)».

Обратим внимание на еще одно высказывание Тима Андерсона: *I would be laying myself open to a charge of being mistaken if I attempted to resist the argument that the character of Flinter is a development of both Nancy and the Artful Dodger which we can't be afraid to recognise takes us into a more terrified Dickens, a more, if you like, Kafkaesque Dickens* (Я бы подставил себя под возможный огонь критики в том, что ошибаюсь, если бы попытался возражать против того аргумента, что Флинтер как персонаж является развитием как Нэнси, так и Хитроумного Доджера, что, как мы без страха признаем, отсылает нас к еще более ужаснувшемуся Диккенсу, более, если хотите, кафкаподобному Диккенсу). Данное предложение осложнено синтаксически, семантически и тематически: в нем употреблено сослагательное наклонение, оно сложноподчиненное, содержит имена литературных персонажей (в том числе два имени персонажей «Оливера Твиста» Диккенса, широко известных англоговорящим читателям) и аналогию, проведенную между Диккенсом и Кафкой. Как пример не всегда оправданного семантического усложнения речи можно также взять следующее предложение Тима Андерсона: «*I believe that I think it of immense value to express doubts* (Я полагаю, что считаю имеющей колоссальную ценность возможность выразить сомнения)».

Таким образом, как показывает анализ приведенных конструкций с двойным отрицанием из романа «Лжец», их основная функция в рече-

вой характеристике героя – создать впечатление заумной, усложненной и запутанной речи, весьма трудной для понимания.

Двойные отрицания встречаются и в романе Дэвида Лоджа ‘Ginger, You Are Barmy’ (≈Рыжий, ты свихнулся)²²: *At one point, indeed, it had seemed not impossible that he might be discharged from the army altogether. This was not unknown* (На самом деле, в какой-то момент даже показалось, что *не лишено возможности*, что его могут совершенно демобилизовать из армии. Такие случаи *были известны*.) (с. 83); *Clearly Corporal Baker, who was in charge of the firing at the time, was seriously negligent here; and you may feel that in other ways his conduct was not beyond reproach* (Ясно, что капрал Бейкер, который отвечал за стрельбы в тот момент, проявил серьезную халатность в этом вопросе; ощущается также, что и в других отношениях его поведение *не было безукоризненным*). (с. 109)

Можно привести также пример из статьи Олдоса Хаксли «Врата восприятия»²³: *It consists solely in his ability to render, in words or (somewhat less successfully) in line and colour, some hint at least of a not excessively uncommon experience* (с. 46) (Его уникальность состоит единственно в умении передать словами или (менее успешно) при помощи рисунка и цвета, по крайней мере отголосок этого, *присущего не ему одному* опыта) (с. 358). Так же, как и в случае с подбором эквивалентов прилагательным типа *небезосновательный*, подобрать переводческий эквивалент с двойным отрицанием переводчику не удалось, таким образом, литота при переводе утрачивается.

В связи с вопросом об оттенках смысла, передаваемых конструкциями с двойным отрицанием, интересно провести анализ выражений, встречающихся в известной статье Д. Болинджера ‘A Not Impartial Review of a Not Unimpeachable Theory: Some New Adventures of Ungrammaticality’ (Небеспристрастный обзор небезукоризненной теории: некоторые новые приключения грамматической неправильности)²⁴. Полемизируя со сторонниками стандартной теории трансформационно-генеративной грамматики, выдающийся американский лингвист, с одной стороны, в качестве иллюстративного материала использует значительное количество выражений типа *a not erroneous / incorrect assessment, a not superlative achievement, a not presumptuous request, a not excruciating failure* и т.п., поскольку именно конструкции такого рода составляют материал, по поводу которого разворачивается полемика, а с другой – включает их в свою собственную речь, т.е. собственно текст статьи, например: *their attempt... makes the not uncommon mistake...*

Как видно из примеров, Болинджер анализирует не только двойные отрицания, но, шире, конструкцию «*a not* + прилагательное в атрибутивной функции + определяемое существительное» (*a not+attr+N*). Если

попытаться подобрать русские эквиваленты к используемым автором словосочетаниям, то это будут выражения типа: «не самая ошибочная (неточная, неправильная, неверная) оценка», «не самое высочайшее достижение», «не самая бесцеремонная просьба», «не самый мучительный (невыносимый) провал», «в своей попытке они... делают не такую уж редкую (необычную) ошибку». Иначе говоря, найти морфологически точные эквиваленты (которые состояли бы из отрицательной частицы и прилагательного с отрицательной приставкой, т.е. представляли бы «чистые» случаи двойного отрицания) не удастся и придется использовать конструкцию «отрицание + превосходная степень прилагательного» или др.

Кроме этой, Болинджер рассматривает и другие атрибутивные конструкции, например: *a too unusual sight, too unusual a sight, a not unusual sight, not an unusual sight, a remark neither snide nor mean, a neither snide nor mean remark, his behaviour is indeed insufferable* – но делается это в целях сопоставления с конструкцией «a not+attr+N», для того чтобы более убедительно представить выводы, вытекающие из анализа.

Статья Болинджера представляет особый интерес для разработки нашей темы, так как в ней автор высказывает ценные замечания, касающиеся смысла конструкций с двойным отрицанием, а также семантических ограничений, которые действуют в языке, делая некоторые случаи двойного отрицания приемлемыми, а некоторые – нет. Опираясь на положения этой статьи, можно объяснить, в чем причина вопиющей неприемлемости вышеприведенного предложения из эссе Дж. Орвелла: *A not unblack dog was chasing a not unsmall rabbit across a not ungreen field*. Заметим, что одним из критериев приемлемости / неприемлемости приводимых выражений, содержащих двойное отрицание, является смысл прилагательного (другой критерий, по Болинджеру, – ритмическая структура выражения). Прилагательное должно иметь смысл, допускающий градуирование (grading), иначе говоря, это должно быть качественное прилагательное. В основе семантической структуры градуируемых прилагательных лежит качественный признак, они допускают ранжирование по шкале интенсивности от минимальной выраженности этого признака до максимального, что определяет два основных семантических свойства таких прилагательных: способность 1) иметь степени сравнения и 2) сочетаться с интенсификаторами (наречиями степени) типа *too, very* и *less*.

Перечислим наиболее интересные случаи двойного отрицания, приводимые Болинджером: *a not reprehensible desire* (не предосудительное желание); *a not preposterous assumption* (не совсем бессмысленное предположение / предположение, не так уж и противоречащее здравому смыслу); *a not presumptuous request* (не такая уж и бесцеремонная

просьба); *her not indescribable suffering* (ее не такие уж и неопишуемые страдания); *a not inimical attitude* (не такое уж недружелюбное / неприязненное / враждебное отношение); *a not inept performance* (не такое уж неумелое / бездарное выступление); *a not insipid dish* (не такое уж безвкусное блюдо); *Her not innocuous remarks, I can well see* (Ее не такие уж безобидные замечания...); *a not unexpected event* (не такое уж неожиданное событие).

В указанной статье Болинджер опровергает гипотезу сторонников трансформационно-генеративной грамматики, утверждающих, что причина неприемлемости некоторых выражений с двойным отрицанием заключается в том, что прилагательное нельзя разложить на отрицательную приставку и корневое прилагательное, которое само по себе могло бы сочетаться с частицей *not*. Болинджер показывает, что хотя между *inordinate* и *ordinate* больше уже нет никакой семантической связи, тем не менее, следующее выражение совершенно приемлемо: *A not inordinate demand, you will surely agree* (Не такое уж и чрезмерное / непомерное требование)... То же самое можно сказать про *inadvertent* и *advertent*, семантическая связь между которыми очень незначительна, однако двойное отрицание с этим прилагательным вполне возможно: *A not inadvertent mistake, I assure you* (не такая уж и неумышленная / непреднамеренная / нечаянная ошибка). Если *a not surprising event* настолько же приемлемо, как и *a not unexpected event*, тогда семантическая благовидность слова *expected* к делу не относится.

Кроме критерия ритмически приемлемой структуры высказывания Д. Болинджер останавливается также на роли контекста, определяющего оттенки смысла того или иного выражения с двойным отрицанием. Он показывает, что интонация подтверждает градуируемость прилагательного. Скажем, произнесенное сухо и нейтрально, выражение *??A not illiterate letter* подразумевает, что слово *illiterate* употреблено в абсолютном смысле. Но если произносящий это пытается смягчить чью-то уничтожающую критику стиля упоминаемого письма, сказав:

lit
A e
not r a ter, ly?
il t e
let sure

тогда слово *illiterate* относится к крайней степени неграмотности. Но, говорит этот американский лингвист, было бы неверно отмечать все

случаи абсолютных прилагательных звездочкой, и предлагает рассмотреть параллельные антонимы *complete* и *incomplete* в следующем контексте:

Your squib is incomplete. – I deny that. – I'm afraid you'll have to accept my judgement. A not incomplete one would at least have the punctuation corrected.

Разница здесь объясняется тем, что контраст необходимо предъявлять (формулировать) эксплицитно: невозможно сказать **He handed me a not incomplete report*, в отличие от *He handed me a not uninteresting report* – высказывание, которое не требует эксплицирования исходной presupпозиции в такой степени, как предыдущее.

Д. Болинджер говорит, что авторы, с которыми он полемизирует, за поиском приемлемых объяснений обращаются, в частности, к прагматике: существуют стратегии восприятия, согласно которым структура приписывается определенной цепочке слов не на основе фактических компонентов, а на основе того, что предвосхищается (чего ожидает слушатель или читатель). Эти авторы считают, что нечто подобное происходит с выражениями типа *not unhappy*. Конструкция *adv. + adv. + adj. + noun* настолько широко распространена в английском языке, что она создает некоторые ожидания у слушающего или читающего:

somewhat badly expressed idea
altogether neatly conceived plan
less unmistakably hostile attitude
not thoroughly agreeable stance
not very happy boy
not too clever idea

Как считают эти авторы, мы подсознательно учитываем эту модель и ошибочно делаем «ложный анализ» таких структур, как *not unhappy*, или *not underdeveloped*, или *not supersaturated*, воспринимая их так, как если бы приставка была отдельным наречием. Однако, подчеркивает Д. Болинджер, эти авторы слишком узко определяют шкалу значений рассматриваемых выражений: они утверждают, что конструкция «*not + neg*» имеет смысл «*slightly to moderately*», т.е. диапазон значений от «слегка выраженное качество» до «умеренно выраженное качество». Таким образом, *not unhappy* означает *slightly to moderately happy* (счастливый в диапазоне от слегка до умеренно выраженной степени счастья). Но загвоздка здесь в том, объясняет этот лингвист, что отрицательные формы могут быть разными в зависимости от того, имеет ли базовая основа положительный или отрицательный смысл (Д. Болинджер называет это «*favourable / unfavourable base word*»).

Так, *ungenerous* представляет собой приставку *un-* плюс положительная основа; *unselfish* же – это *un-* плюс отрицательная основа. Тенденция здесь, как считает Д. Болинджер (подчеркнув, что считает это именно всего лишь тенденцией), заключается в том, что прилагательные типа *ungenerous* принимают нерезкое значение, когда употребляются с отрицанием; прилагательные же типа *unselfish* склоняются к более крайним и ярко выраженным значениям: в то время как *not ungenerous* действительно означает «обладающий щедростью от слегка до умеренно выраженного проявления этого качества», т.е. «не такой уж невеликодушный», «не такой уж неблагородный», «нескупой», *not unselfish*, выражаясь словами Болинджера, значит ‘pretty damn selfish’ («чертовски эгоистичный»); если использовать двойное отрицание, то «небескорыстный», т.е. весьма и весьма корыстный). Причина заключается в общих условиях употребления: *not unselfish*, скорее всего, будет употребляться иронически-эвфемистично. Другими примерами будут *not impartial* «небеспристрастный», *not inexpensive* «недешевый», *not undemanding* «весьма требовательный». Но значение не зависит напрямую от значения основы – существенным является значение прилагательного, не разложенного на свои морфологические элементы. Прилагательное *ingratiating* «располагающий; чарующий; вкрадчивый, заискивающий» в целом имеет положительное значение и отрицательной приставки не имеет, но *a not ingratiating manner*, скорее всего, будет воспринято как ‘a pretty disagreeable manner’ (довольно неприятная манера).

Итак, как видим, важным фактором, определяющим смысл выражения с двойным отрицанием, является как бы «экстремальность» значения прилагательного, т.е. его способность передавать крайнюю степень выраженности какого-либо качества. Чем менее резко выражено значение прилагательного, тем больше вероятность, что при отрицании оно не будет выражать крайних значений, и ‘not unhappy’ принадлежит как раз к такому типу. Прилагательное же с более ярко выраженным значением как бы поляризует шкалу, что в результате дает значения типа болинджера ‘pretty damn + adj’. Например, этот лингвист перефразирует *a not infinite (infinitesimal) amount* как ‘a pretty damn small (large) amount’ (не такое уж бесконечно большое / малое количество, т.е. «не так уж и много» / «не так уж и мало»); в выражении же *a not excessive (insignificant) amount* (не такое уж избыточное / незначительное количество) более слабые синонимы приводят, как он считает, к тому, что значения не поляризуются и остаются средними.

Еще один фактор, который, как можно ожидать, влияет на смысл конструкции, – это интонация, которая может усиливать или ослаблять значение, выражаемое прилагательным.

Нужно отметить, что, как можно видеть из приведенного материала, прилагательные, которые употребляются в этой конструкции, бывают, как правило, двусложными или трехсложными, что указывает на их заимствованный характер и на то, что они не принадлежат к базовому, исконному англосаксонскому словарному запасу и чаще всего являются стилистически маркированными, а именно характерными для литературной речи и регистра интеллективного общения.

Мы уже отмечали, что некоторые английские авторы считают, что литота, understatement (сдержанное суждение, недоговоренность, недосказанность) и мейосис – синонимы. Поскольку understatement часто называется одной из наиболее заметных черт английского речевого поведения (и даже одной из важных черт национального характера), попробуем рассмотреть, как двойное отрицание используется для выражения сдержанной оценки. Для нашей темы важно следующее: в то время как в русском языке такие слова, как «недосказанность», «недоговоренность» и выражение «сдержанная оценка» являются просто общеупотребительными словами, в английском языке understatement приобрело нечто вроде терминологического статуса и употребляется в словарях как термин, отражающий явление, распространенное в английской речи. В пособиях по английскому языку, в справочниках и словарях это слово используется как повседневный синоним наряду с научным филологическим словом «мейосис».

Эрик Партридж в своем многократно переиздававшемся словаре «Usage and Abuse. A Guide to Good English (Использование языка и злоупотребление им. Путеводитель по правильной речи на английском языке)»²⁵ называет understatement величайшей добродетелью англичанина ('the supreme virtue of an Englishman'). Согласно Эрику Партриджу, если англичанин говорит: «*I dislike that woman* (Мне не очень нравится эта женщина)», этой женщине следует удалиться из поля его зрения как можно быстрее (в данном контексте любопытно то, что сам Эрик Партридж также не употребляет слова типа «ненавидит», «противна» и т.п.); если же англичанин говорит, что какое-то неожиданно возникшее препятствие или неприятность «*is rather a nuisance* (это довольно-таки неприятно)», он на самом деле имеет в виду, что это адски отвратительно и мерзко или крайне неудачно, плачевно и достойно величайшего сожаления. Эрик Партридж предупреждает, однако, что, если в речи недоговоренности такого рода, недовыраженность смысла в общем и целом действительно положительно характеризуют говорящего (т.е. «являются добродетелью», если использовать его терминологию), то в письменных произведениях они с легкостью могут вводить читателя в заблуждение. Совет, который он формулирует в конце этой словарной статьи, заклю-

чается в следующем: не злоупотребляйте британской сдержанностью и английским мейосисом.

(Любопытно отметить, что предисловие к этому словарю Партриджа, написанное Джанет Уиткут, редактором издания 1994 г., заканчивается предложением, содержащим именно это явление – выраженную двойным отрицанием сдержанную оценку: «*I hope the result is not too uneasy a blend of the old and the new* – надеюсь, в результате получился не слишком неуклюжий сплав старого и нового».)

Это же явление (understatement) подробно рассмотрел У. Дж. Болл в своей статье в журнале «English Language Teaching»²⁶. Этот автор отмечает, что двойное отрицание – это одно из средств выражения сдержанной оценки. Может показаться, что в данном случае оно функционирует по алгебраическому принципу $-u \times -u = +u$, и поэтому в нем мало смысла. Однако на самом деле оно используется, чтобы выразить некоторую степень выделенности (эмфазы) или некоторую меру подразумеваемого (подтекста). В отличие от греческого языка, говорит автор, два отрицания в английском не отменяют смысл друг друга (если, конечно, не принимать в расчет просторечие). *I'm not unaware of the fact* содержит отрицательную приставку *un-* и отрицательную частицу *not*. Однако отсюда не следует, что значение этого предложения идентично выражению «*I am aware of the fact*». Автор подчеркивает, что наиважнейшую роль здесь играет контекст. *I'm not unaware of the fact* можно произнести со слегка презрительной интонацией, подразумевая этим: «Мне не нужны напоминания об этом, а уж Ваши-то в последнюю очередь». Далее он приводит пример двойного отрицания, использованного с целью «осудить при помощи тонкой похвалы» (damning with feint praise): «*Brubeck, who is not entirely without musical ability, lacks the essential creative wherewithal to lay down really spontaneous and stimulating jazz* (У Брубэка, который не вполне лишен музыкальных способностей, недостает необходимых и существенных творческих сил, чтобы выдавать по настоящему непосредственный и волнующий джаз)». В данном контексте выражение *not entirely without musical ability*, по мнению автора, отчетливо является преднамеренно снисходительным и пренебрежительным.

Далее У. Дж. Болл приводит пример из передовой статьи газеты «Таймс», в которой обобщалось состояние дел с авиационной безопасностью: «*No air operator in Britain is unfit to run his airline: no aircraft, however aged, is unfit to fly* (Ни одна авиакомпания не названа как неспособная обслуживать авиалинии; ни одно летательное средство, каким бы старым оно ни было, не является непригодным для полетов)». Автор поражается тому, что эти выводы названы среди обнадеживающих результатов правительственного расследования безопасности воздушного

пространства. В какой момент, задается он вопросом, вы становитесь неспособны обслуживать авиалинию? Если вы всего лишь на йоту не вполне способны обслуживать ее, тогда, по логике вещей, вы уже не способны ее обслуживать. Я сомневаюсь, говорит он, что вы можете быть лишь минимально способны обслуживать авиалинию. И я сомневаюсь, продолжает он далее, что вас утешит, что самолет, на котором вы летите, «каким бы старым он ни был», *не является непригодным* для полетов.

Еще один пример двойного отрицания взят У. Дж. Боллом из «Бизнес-приложения к газете “Таймс”» от 18 ноября 1968 г.: «*The fact that the economy has expanded about 1 per cent faster this year than was expected at the time of the Budget is not evidence that devaluation is not working* (То, что экономика развивалась примерно на 1 процент быстрее в этом году, чем ожидалось на момент принятия бюджета, еще не является свидетельством того, что девальвация не работает)». Как я это понимаю, говорит автор, это, кажется, означает, что увеличение на 1 процент скорости экономического развития, в принципе, нехорошо, но само по себе это не является свидетельством того, что девальвация провалилась. Он считает, что в этом примере двойное отрицание вводит читателя в заблуждение. Оно не означает, что увеличение на 1 процент *является* свидетельством того, что девальвация *оказывает свое действие*, но возможность такого толкования явно не пришла в голову тому, кто это написал.

Далее У. Дж. Болл сравнивает три предложения, смысл которых, на первый взгляд, кажется идентичным:

1. *It is not unusual for the train to be late.*
2. *It is usual for the train to be late.*
3. *The train is usually late.*

Анализируя эти три предложения, автор говорит, что второе – это категоричное утверждение, которое подразумевает, что в график работы этого поезда как бы встроено запаздывание – он как будто бы запрограммирован приходить с опозданием. Третье является типичным разговорным преувеличением и означает всего лишь, что, по опыту говорящего, этот поезд несколько раз опоздал. Первое же предложение выражает сдержанное суждение: в нем нет намерения подчеркнуть привычное запаздывание поезда, хотя оно определенно привлекает к нему внимание. Этот пример, говорит автор, стоит в одном ряду с библейским *A prophet is not without honour, except in his own country*, которое всего-навсего означает ‘*A prophet has honour, except in his own country.*’

Итак, заявляет У. Дж. Болл, сдержанное суждение может употребляться для эмфазы, и все же эмфаза не всегда особенно заметна. Он приводит несколько примеров сдержанных суждений (правда, не со-

державших двойных отрицаний), демонстрирующих, что степень подчеркивания и выделения может быть различной и что то же самое можно сказать про слова *quite* и *rather*. Скажем, *Rather unsatisfactory* оставляет некоторое пространство для сочувствия (он употребляет слово *compassion* «сострадание») и осторожности.

Популярность двойного отрицания в разговорной речи отражают «ходячие фразы», т.е. броские, запоминающиеся фразы из популярных фильмов, песен, телепередач и т.п., такие, как *You ain't heard nothin' yet* и *You ain't seen nothin' yet*²⁷. Обе фразы имеют просторечный синтаксис и произношение; двойное отрицание в данном случае также можно отнести к просторечным чертам. Первая фраза является предсказанием того, что вот-вот появится нечто еще лучше или поразительнее того, что вы только что услышали, и приписывается американскому певцу Алу Джолсону. Первое упоминание об этой фразе гласит, что она была использована певцом в кафе в 1906 г., когда ему пришлось петь так, чтобы перекричать шум с соседней стройплощадки, и он сказал: *You think that's noise – you ain't heard nuttin' yet*. Затем это выражение стало знаменитым в 1918 г., когда Ал Джолсон нечаянно выкрикнул его на сцене во время концерта в Нью-Йорке, организованного в помощь солдатам, участвовавшим в Первой мировой войне. Он выбежал на сцену после воодушевляющего исполнения Энрико Карузо еще до того, как стихли аплодисменты, простер руки в сторону аудитории и выпалил: *Folks, you ain't heard nothing yet*.

Выражение же *you ain't seen nothin' yet* – это модификация этой фразы Ала Джолсона, которая была популяризирована бывшим американским президентом Рональдом Рейганом, когда он превратил ее в своего рода лозунг в своей повторной предвыборной кампании во время президентских выборов 1984 г. Эта фраза была специально отобрана, чтобы, с одной стороны, подразнить его политических оппонентов, а с другой, задать разговорный и популярный в народе тон. Похоже также, что она представляет собой обещание, которое с легкостью переходит из одного политического лагеря в другой: в предвыборной кампании Аль Гора на президентских выборах 2000 г. не было какой-либо одной официальной песни, зато использовался набор современных песен и хитов 1970-х, включая *You ain't seen nothing yet*. В случае с этой песней, в кампании Аль Гора прежде всего использовался припев, у которого такие слова: «*Here's something that you're never gonna forget – baby, you ain't seen nothing yet* (Вот тебе то, что ты никогда не забудешь – детка, ты пока что ничего еще не видела)».

С другой стороны, грамматически правильная фраза, содержащая двойное отрицание, *nobody doesn't like ... Sara Lee*, также использовалась как популярное расхожее выражение для культивации теплых

чувств при помощи рекламы. Эта фраза – хорошо знакомый американцам рекламный лозунг пекарни Сары Ли – как раз тот случай, когда два отрицания взаимно отменяют смысл друг друга, и в результате получается утвердительный смысл: «все любят Сару Ли». Хотя хорошо работала и телереклама, Сара Ли решила, что нужно что-то еще. В 1968 г. Митч Ли, создатель бродвейского мюзикла «Человек из Ламанчи», написал веселую рекламную песенку *Nobody Doesn't Like Sara Lee*, которая стала ядром всех новых рекламных объявлений этой компании и даже фигурировала на всех грузовиках, принадлежащих Саре Ли. Слова этого простого припева были такие: «*Everybody doesn't like something, But nobody doesn't like Sara Lee* (Всем хоть что-нибудь не нравится, но зато Сара Ли нравится всем)». Эта фраза быстро стала шаблонной, причем имя Сары Ли заменялось другими именами или названиями каких-то вещей.

Еще одним подтверждением тезиса о том, что двойное отрицание продолжает использоваться в просторечии без особого риска быть понятым неверно, как эквивалент грамматически правильной формы, можно считать фразу «*no such thing as a free lunch, there ain't /is* (нет такой вещи, как бесплатный обед, такого не бывает)». Как видим, здесь просторечное двойное отрицание и грамматически корректная форма находятся в отношениях взаимозаменяемости. Это расхожее высказывание из области экономики, популярное с 60-х г.г. и прежде всего ассоциирующееся с американским экономистом Милтоном Фридманом, который использовал его как заголовок своей книги 1975 г. Источник этой фразы неизвестен, хотя ее возводят к 1840-м г.г., когда она использовалась в салунах, где клиентам предлагали бесплатные закуски. Эта фраза также была зарегистрирована в форме *there ain't no such thing as a free lunch* с 1938 г., что послужило началом для аббревиатуры TANS-STAFL.

Своеобразным двойным отрицанием является также абсурдное, но веселое противоречие во фразе *yes, we have no bananas today*, которое впервые было популяризировано в США как название сочиненной Ирвингом Коуном и Франком Сильвером песни 1923 г., начинающейся такими словами: *Yes, we have no bananas, We have no bananas today*. Эту фразу снова оживили в 1939 г., когда она была использована в фильме *Only Angels Have Wings*. В 1920-е благодаря броской, легко запоминающейся и беззаботной песенке она приобрела популярность и в Великобритании, а затем в военное время и в период послевоенного дефицита продуктов (1940 – 1946 г.г.) ее снова возродили с целью культивировать легкое и небрежное отношение к нужде, которую в тот период испытывали многие люди. Грамматическое противоречие в этой фразе заключается в том, что утвердительная частица 'yes' употребляется с предло-

жением, содержащим отрицание, что в английском языке (в отличие, например, от русского) не допускается. Любопытно отметить, что, поскольку в русском языке такое сочетание является приемлемым, многие русскоязычные учащиеся, изучающие английский, строят предложения именно таким образом. Грамматически правильная форма в данном случае была бы *no, we have no bananas today*, что нельзя считать двойным отрицанием, поскольку отрицательная частица здесь является как бы повтором отрицания в основной части предложения.

Приведенному в начале статьи мнению Д. Кристала о том, что структуры с двойным отрицанием очень запутывают читателя или слушателя и поэтому совершенно справедливо подвергаются критике со стороны авторов стилистических пособий, можно противопоставить краткий экскурс в сборники английских пословиц. В таких сборниках собрана народная мудрость, накопленная в течение веков, представляющая собой квинтэссенцию взглядов на жизнь, понятий о добре и зле и т.п. По определению, большинство пословиц будут хорошо знакомы и понятны естественным носителям языка.

Можно выделить несколько распространенных конструкций, в соответствии с которыми они строятся. Например, конструкция, употребляющаяся, чтобы выразить мысль о том, что нет ничего абсолютно совершенного, что несовершенны все и вся: *No man is infallible* (Ни один человек не является непогрешимым; все мы делаем ошибки); *No garden without its weeds* (Нет ни одного сада без сорняков); *No land without stones, or meat without bones* (Нет земли без камней, как мяса без костей); *No silver without its dross* (нет серебра без окалины; нет благородства без брэнности); *There is no pack of cards without a knave* (Нет колоды карт без валета / мошенника); *No rose without a thorn* (Нет роз без шипов); *No sun without a shadow* (Нет солнца без тени); *No convenience without its inconvenience* (Нет удобств без соответствующих неудобств).

Конструкция «не бывает / не встречается в жизни то-то и то-то»: *There's no fence against ill fortune* (Против злой судьбы заборов не выстроишь); *Nothing so bad in which there is not something of good* (ничто не бывает таким плохим, чтобы в нем не было бы чего-нибудь хорошего); *Nothing so bad but it might have been worse* (Ничто не бывает таким плохим, что оно не могло бы быть еще хуже); *Nothing is certain but the unforeseen* (Ничего нельзя знать наверняка кроме того, что случится непредвиденное); *Nought is never in danger* (Ничтожество никогда не бывает в опасности – ‘nought’ здесь относится к никчемному человеку или вещи); *Right wrongs no man* (Правильное не причинит зла ни одному человеку); *An ill servant will never be a good master* (Дурной слуга никогда не будет хорошим хозяином); *No man is the worse for knowing the*

worst of himself (Еще ни одному человеку не было плохо оттого, что он знает о себе самое плохое).

Конструкция «тот, кто не делает того-то, не может рассчитывать на то-то»: *He who does not kill hogs will not get black puddings* (Тот, кто никогда не забивал свиней, не будет есть кровяную колбасу); *He that cannot abide a bad market deserves not a good one* (Тот, кто не может пережить плохое состояние дел на рынке, не заслуживает хорошего); *He is worth no weal that can bide no woe* (Тот не заслуживает благосостояния, кто не может перенести беды); *He deserves not the sweet that will not taste the sour* (Тот не заслужил сладкого, кто не хочет пробовать кислого); *He that will not when he may, when he will he shall have nay* (Тот, кто не будет, когда может, когда захочет, ничего не получит); *He isn't thirsty who doesn't drink water* (Тот не мучим жаждой, кто не пьет воду); *Blessed is he who expects nothing, for he shall never be disappointed* (Блажен, кто ничего не ожидает, ибо он никогда не будет разочарован); *It is an ill dog that deserves not a crust* (Только дурной пес не заслуживает корки хлеба).

Конструкция «то, что ты делаешь / не делаешь, не сделает того-то»: *What you don't know can't hurt you* (То, что ты не знаешь, навредить тебе не может); *The money you refuse will never do you good* (Деньги, от которых ты отказываешься, никогда не принесут тебе пользы).

Императивная конструкция «делай / не делай то-то и то-то»: *Flee never so fast you cannot flee your fortune* (Как бы быстро ты не бежал, от своей судьбы не убежишь); *Come not to counsel uncalled* (Не приходи на совет незванным / не давай непрошенных советов).

Конструкция «то-то и то-то нехорошо, если не дает даже того-то и того-то»: *It is an ill bargain where no man wins* (Это плохая сделка, если в ней не выигрывает ни один человек); *It's an ill wind that blows nobody any good* (Это дурной ветер, если он не приносит никому никакой пользы / нет худа без добра); *It is an ill dog that deserves not a crust* (Только дурной пес не заслуживает корки хлеба).

В английском языке есть синтаксические конструкции, содержащие двойное отрицание, например *Not for nothing are we told that...* (Неслучайно нам сообщают, что...); *He won't pay you, not he* (Уж он-то вам не заплатит, не такой он человек); *I won't go there, not I* (я-то уж не пойду туда, от меня этого не ждите). Существуют популярные фразы типа *Never say never* (никогда не говори «никогда»). Есть фразы, основывающиеся на знаменитых цитатах, такие, как *What's done cannot be undone* (То, что сделано, не исправишь), более известным вариантом которой является *What's done is done* (что сделано, то сделано), цитата из шекспировской пьесы «Макбет» (≈ 1606). Встречаются устоявшиеся выражения типа *not to take no for an answer* «не принимать отказа»; *not unconnected with* «имеющий некоторую связь с...»; *not without reason* «не

без причины, довольно обоснованно»; *not inconsiderable* «довольно значительный» и т.п. литоты, в которой утверждение делается косвенно, через отрицание своей противоположности, например: *a teacher of no mean ability* «талантливый преподаватель»; *to the no small admiration of the learned readers* «к немалому восторгу просвещенных читателей»; *he expressed his opinion in no uncertain terms* «он недвусмысленно высказал свое мнение»; *he had no small part in the plan's success* «он сыграл немаловажную роль в успехе этого плана».

При обсуждении статьи Д. Болинжера уже упоминались двойные отрицания типа *not unselfish* «небескорыстный», *not impartial* «небеспристрастный», *not inexpensive* «недешевый», *not undemanding* «весьма требовательный», которые имеют тенденцию употребляться иронически-эвфемистично в смысле «ого-го какой... (пристрастный, корыстный, дорогой, требовательный)». Как считает Джон Эйто, сдержанная оценка (*understatement*) и литота являются двумя ключевыми элементами эвфемизмов²⁸. Литота, как справедливо считает этот автор, — это способ разрядить или снять напряжение, снять остроту резкого высказывания, передав его отрицанием его противоположности. Так, например, *a problem of not inconsiderable proportions* в реальности может вполне оказаться крупной катастрофой, а *not inconsolable* (небезутешный) в словаре Р.У. Холдера²⁹ объясняется как «*promiscuous in the absence of a regular sexual partner* (ведущий себя распушенно в отсутствие регулярного сексуального партнера)» и снабжено следующим примером: *It is feared she waited for [Kim Philby] in vain. Not that the Lady Francis, a creature of some resilience, proved inconsolable.* (Boyle, Andrew (1979). *The Climate of Treason*). Рассказывая об эвфемизмах, посвященных теме бедности и нищеты, Джон Эйто сам употребляет двойное отрицание. Перечислив иносказательные выражения 1980-90-х г.г., такие, как *economically exploited* (экономически эксплуатируемый), *economically marginalized* («превращенный в экономического маргинала / отодвинутый на периферию экономики), *culturally deprived* (лишенный возможности приобщаться к культурным ценностям), *culturally disadvantaged* (не имеющий благоприятных культурных условий), Джон Эйто замечает в скобках: «*Nothing a few trips to an art gallery couldn't remedy, one would have thought* (Можно было бы подумать, что эти выражения не означают ничего такого, что нельзя было бы исправить несколькими визитами в картинную галерею)».

При обсуждении общих категориальных признаков речевого и коммуникативного поведения носителей английского языка важно обратить внимание на такие соотносящиеся с выражением «двойное отрицание» слова, как *doublespeak* (демагогия, пышные туманные речи), *doubletalk* (двойной стандарт (в оценках и т.п.); пустые или демагогические выска-

звания; уклончивые речи (*особ. когда человек говорит одно, а думает другое, противоположное*). У существительного *doubletalk* есть соответствующий глагол, означающий «пользоваться двойным стандартом (в оценках и т.п.); думать одно, а говорить другое; говорить одно, а иметь в виду другое; отделяться пустыми словами; давать ложные обещания; уговорить, завлечь кого-л. посулами, красивыми словами и т.п.». В явлениях, обозначаемых этими словами, некоторую роль играет и двойное отрицание, поскольку оно осложняет смысл и не позволяет с легкостью понять, что имеется в виду.

Интересные примеры двойного отрицания приведены в статье Уильяма Лутца, посвященной пустым демагогическим и пышным туманным речам³⁰. Так, описывая расследование дела «Иранконтрас» специальным комитетом Конгресса США, занимающимся секретной военной помощью Ирану и никарагуанской оппозиции, У. Лутц пересказывает выступление перед этой комиссией полковника Оливера Норта и его начальника адмирала Джона Пойндекстера. Несмотря на то, что на второй день слушаний О. Норт признал, что он в нескольких случаях лгал иранцам, своему коллеге генерал-майору Ричарду Секорду, так же, как и представителям Конгресса, ведущим расследование, и что он уничтожал улики и создавал подложные документы, далее О. Норт пообещал представителям комитета говорить только правду. После О. Норта свидетельские показания давал адмирал Д. Пойндекстер, который говорил «mislead (вводить в заблуждение; создавать ложное представление; вести по неправильному пути)» и «withhold information (удерживать / утаивать / скрывать информацию)», имея в виду «лгать». В понимании Пойндекстера, можно «молча или неохотно соглашаться» (*acquiesce*) с поставкой оружия, но при этом не санкционировать эти поставки. Можно переводить миллионы долларов государственных денег в качестве «технического снабжения» (*technical implementation*) и при этом не принимать «материально-правовых решений» (*substantive decision*), и т.п. Говоря о свидетельских показаниях О. Норта, Пойндекстер сказал: «The total impact, I am sure, was one of withholding information from the Congress, but I'm still not convinced... that he lied (Общим эффектом, я уверен, было впечатление, что он скрывает информацию от Конгресса, но я все равно не убежден, что он лгал)». Пойндекстер возражал, утверждая, что «...несправедливо говорить, что я неправильно проинформировал Конгресс или других официальных лиц кабинета (it is not fair to say that I have misinformed Congress or other Cabinet officers)», добавив: «And with regard to the Cabinet Officers, I didn't withhold anything from them that they didn't want withheld from them (А что касается официальных лиц кабинета, я не скрывал от них ничего такого, насчет чего они бы не хотели, чтобы я это скрывал)». У. Лутц отмечает, что Пойндекстер при этом не

объясняет, как можно утаивать ту информацию, относительно которой человек выражает пожелание, чтобы ее утаили, и завершает статью размышлениями о том, что если мы действительно считаем, что понимаем такой язык и что он способствует общению и ясному мышлению, тогда мир орвелловского «1984 года» с его управлением действительностью посредством языка уже наступил.

Нужно отметить, что в политическом дискурсе встречаются много примеров двойного отрицания. Если обратиться к любому сборнику цитат из высказываний известных политиков, то обнаружится, что многие из «крылатых фраз», принадлежащих знаменитым историческим личностям, содержат такое отрицание. Это, по-видимому, обусловлено высоким риторическим и стилистическим потенциалом данного языкового приема, позволяющим усиливать смысловые нюансы, выражать мысль в яркой и броской форме и при этом строить высказывание, которое допускает различные интерпретации. Так, Авраам Линкольн является автором «крылатой фразы» ‘You can’t beat somebody with nobody’ «Невозможно побить кого-нибудь, если у вас нет кого-нибудь, кто это сделает». Еще одна из популярных цитат из его речей начинается так: ‘With malice towards none; with charity for all; with firmness in the right...’ (Не питая злобы ни к кому, но всем милосердствуя, упорствуя в деле справедливости...) ³¹.

Трудно не согласиться с тем, что многие высказывания политиков действительно имеют очень яркую и выразительную с точки зрения риторики форму. Например, Герберт Генри Асквит, британский премьер-министр от Либеральной партии в 1908 – 1816 г.г., высказался о Палате Общин таким образом: «There is no more striking illustration of the immobility of British institutions than the House of Commons (Не существует более яркой иллюстрации неподвижности британских институтов, чем Палата Общин)» ³². Клемент Атли, еще один британский премьер-министр (1945 – 1951), лейбористский государственный деятель, дал следующее определение искусности в политике: «Judgement which is needed to make important decisions on imperfect knowledge in a limited time (Здравый смысл, который требуется для принятия важных решений на основании несовершенных знаний за ограниченное время)» ³³.

Или возьмем яркое высказывание британского политолога Эрнеста Баркера: «Sovereignty is unlimited – unlimited and illimitable (Суверенитет неограничен – неограничен и неограничиваем)» ³⁴. Или, скажем, следующие две цитаты из произведений литератора и политика Эдмунда Берка: «When... people imagine that their food is only a cover for poison, and when they neither love nor trust the hand that serves it, it is not the name of the roast beef of Old England that will persuade them to sit down to the table that is spread for them (Когда ... люди воображают, что их пища –

это только прикрытие для отравы, и когда они не испытывают ни любви, ни доверия к тем рукам, которые подносят эту пищу, недостаточно всего лишь названия ростбифа старой Англии, чтобы убедить их сесть за стол, накрытый для них); «I feel an insuperable reluctance in giving my hand to destroy any established institution of government, upon a theory, however plausible it may be (Я чувствую непреодолимое нежелание (отвращение) оказывать содействие разрушению любого установленного института правления на основании теории, какой бы правдоподобной она ни была)»³⁵.

Любопытна следующая цитата из произведений лорда Честерфильда, английского писателя и политика: «I... could not help reflecting in my way upon the singular ill-luck of this my dear country, which, as long as ever I remember it, and as far back as I have read, has always been governed by the only two or three people, out of two or three millions, totally incapable of governing, and unfit to be trusted (Я ...не мог не поразмышлять по-своему над феноменальной неудачливостью этой дорогой моему сердцу страны, которой всегда, насколько я в состоянии это вспомнить, и до тех самых отдаленных эпох прошлого, о которых я читал, управляли единственные два или три человека, из двух или трех миллионов, совершенно неспособные управлять и недостойные доверия)»³⁶. В данном случае *unfit to be trusted* – это явный пример сдержанного суждения (understatement «непригодный для того, чтобы ему доверяли»), которое приходится передавать выражением с более резко выраженным смыслом (что еще раз показывает тенденцию к overstatement в русском языке). Интересна цитата XVII в., взятая из речи короля Карла I, казненного, когда его перестал поддерживать парламент: «You manifestly wrong even the poorest ploughman, if you demand not his free consent (Вы явно причиняете зло даже беднейшему пахарю, если вы не требуете его свободного согласия)»³⁷. В устах Карла I, который несколько раз распускал парламент за неуступчивость, эта фраза звучит довольно демагогически.

Случаи двойного отрицания довольно часто встречаются в речах Уинстона Черчилля, который был великолепным оратором: «I decline utterly to be impartial as between the fire brigade and the fire (Я совершенно отказываюсь быть беспристрастным так же, как в ситуации между пожарной командой и пожаром – сказано в ответ на жалобы о его пристрастности (тенденциозности) при редактировании газеты “Бритиш Газетт” во время Всеобщей стачки); «I had no idea [in 1894] of the enormous and unquestionably helpful part that humbug plays in the social life of great peoples dwelling in a state of democratic freedom (Я не имел никакого представления [в 1894 г.] о той громадной и безусловно полезной роли, которую надувательство и притворство играет в общественной жизни великих народов, пребывающих в состоянии демократической свобо-

ды»; «So they [the Government] go on in strange paradox, decided only to be undecided, resolved to be irresolute, adamant for drift, solid for fluidity, all-powerful to be impotent (И так они [правительство] продолжают пребывать в состоянии странного парадокса, не знающие сомнений только для того, чтобы быть нерешительными, полные решимости пребывать в колебаниях, непреклонные в пассивности и бездействии, основательные своей изменчивостью, всемогущие, чтобы быть бессильными)»; «No part of the education of a politician is more indispensable than the fighting of elections (Никакая другая часть образования, которое получает политик, не является более обязательной, чем предвыборная борьба)»³⁸.

И в заключение еще одна цитата, которая, можно сказать, переключается с этикой двойных стандартов, демагогических высказываний, уклончивых речей (*doubletalk*), умением говорить одно, а иметь в виду другое. Эндрю Янг, американский политик, член Демократической партии, сказал следующее: «Nothing is illegal if one hundred well-placed business men decide to do it (Ничто не является противозаконным, если сотня правильно расположенных бизнесменов решают сделать это)»³⁹.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что некоторые типы двойных отрицаний могут добавлять в высказывание важные оттенки значения. Двойное отрицание позволяет «градуировать» смысл высказываний, которые не вполне отчетливо укладываются в утвердительные либо отрицательные. Негативным следствием расхождения между жестким правилом стандартной грамматики, которое допускает только одно отрицание в предложении, и существованием двойного отрицания, является плеоназм, который часто явно неправилен и разрушителен для смысла высказывания. Мейосис, формой выражения которого чаще всего бывает литота, ценен тем, что это языковой прием, позволяющий избежать необходимости выступить напрямую с откровенным высказыванием, что временами может быть оправдано соображениями такта, доброжелательности или политкорректности. При этом можно отметить, что в языке существует значительное количество клише с двойным отрицанием, в которых замена слова отрицанием его противоположности представляет довольно стертый и заезженный стилистический прием, употребляемый с целью придания речи элегантности. Однако сама по себе популярность этой конструкции в английском языке является достаточным доказательством того, что в ней есть нечто близкое и родственное английскому темпераменту, и неслучайно Г. Фаулер считает, что она обязана своим успехом у британцев упорной национальной неприязни к тому, чтобы выражаться слишком резко.

С точки зрения культурологической чрезвычайно любопытно, что Холдер снабдил название своего словаря подзаголовком 'How not to say what you mean'. Если умение не говорить то, что вы имеете в виду – это

достоинство, то ничуть не удивительно, что двойное отрицание, double-speak, doubletalk и прочие явления подобного рода так распространены в английском языке.

Примечания

1. *Гари Р.* Грустные клоуны. М., 2001. С. 23.
2. *Комова Т.А.* Категория отрицания в системе грамматических морфологических категорий английского глагола. М., 1985. С. 19.
3. *The Oxford Dictionary and Thesaurus / Ed. by Sara Tulloch.* Oxford University Press, Oxford, 1996.
4. *Новый Большой Англо-русский Словарь / Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна.* М., 1994.
5. *Crystal D.* Who Cares about English Usage? An Entertaining Guide to the Common Problems of English Usage. Penguin Books, London, 1984. С. 45.
6. *Падучева Е.В.* Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 354.
7. *Skynner R., J. Cleese.* Life and How to Survive It. Mandarin Paperbacks. London, 1994. С. 188.
8. *Котлячков А., С. Горин.* Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью... (практическое руководство). М., 2001.
9. *Анвар Бакиров.* Люди, которые играют роли. СПб., 2002. С. 103.
10. *Падучева Е.В.* Указ. соч.
11. *Андреас С., К. Герлинг, Ч. Фолкнер, Т.Халблом, Р. МакДональд, Д. Шмидт, С. Смит.* Миссия НЛП. Новейшие американские психотехнологии. М.–СПб, 2000.
12. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980.
13. *Корнеев М.* Англо-русский толковый словарь клише. М., 1997. С. 209.
14. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980.
15. *The Good English Guide. English Usage in the 90s / Compiled and written by Godfrey Howard.* Macmillan Reference Books. London, 1994.
16. *A Dictionary of Modern English Usage / By H.W. Fowler.* 2nd ed. Revised by *Sir Ernest Gowers.* Oxford, 1980, стр. 357.
17. *Lodge D.* How Far Can You Go? Penguin Books. London, 1981.
18. *Энциклопедия «Русский язык».* Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; В.П. Москвин. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь-справочник. М., 2004.
19. *The Good English Guide. English Usage in the 90s / Compiled and written by Godfrey Howard.* Macmillan Reference Books. London, 1994.
20. *Nick Hornby.* How To Be Good. Penguin Books. London, 2001.
21. *Stephen Fry.* The Liar. Arrow Books. London, 2004.
22. *David Lodge.* Ginger, You're Barmy. Penguin Books. London, 1984.
23. *Aldous Huxley.* The Doors of Perception. Heaven and Hell. Harper & Row, Publishers, New York, 1990; *Олдос Хаксли.* Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995.
24. *Dwight Bolinger.* A Not Impartial Review of a Not Unimpeachable Theory: Some New Adventures of Ungrammaticality. In: Variation in the Form and Use of Language. Washington, 1983.
25. *Eric Partridge.* Usage and Abusage. A Guide to Good English. Penguin Books. London, 1999.
26. *W. J. Ball.* Understatement and Overstatement in English. English Language Teaching. 1970. V. XXIV, № 3. С. 201-208.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 31. — 170 с. ISBN 5-317-01448-4

27. The Oxford Dictionary of Catchphrases / Compiled by *Anna Farkas*. Oxford University Press, 2002. С. 316.
28. *John Ayto*. Euphemisms. Over 3,000 ways to avoid being rude or giving offence. London, 1994.
29. *R.W. Holder*. A Dictionary of Euphemisms. How Not To Say What You Mean. Oxford University Press, 2003. С. 272.
30. *William Lutz*. The World of Doublespeak // The State of the Language. 1990s edition / Ed. by *Christopher Ricks* and *Leonard Michaels*. Faber and Faber. London-Boston, 1990.
31. *Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Лаңчиков В.К.* Политика и крылатика. Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. М., 2004. С. 127.
32. The Oxford Dictionary of Political Quotations / Ed. by *Anthony Jay*. Oxford-New York, 1999. С. 18.
33. Ibidem. С. 20.
34. Ibidem. С. 32.
35. Ibidem. С. 63, 65.
36. Ibidem. С. 83.
37. Ibidem. С. 82.
38. Ibidem. С. 88–89.
39. Ibidem. С. 396.